

DOI 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-100-119

УДК 639.181

Н. Н. Крадин

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1024-6285
E-mail: kradin@mail.ru

Краткий историко-этнографический очерк Северного Приморья

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается этноисторическая динамика первобытных и традиционных народов Северного Приморья в бассейне рек Иман и Бикин. Здесь в глубокой тайге обнаружено около 200 археологических памятников разных периодов и поселений аборигенных народов. В эпоху неолита местное население занималось охотой, собирательством и рыболовством. Большое значение уже для этого периода имел вылов проходных лососевых рыб. С раннего железного века появляется зачаточное земледелие, получившее развитие в Средние века. В это время здесь обитали хэйшуй мохэ и носители покровской культуры. Это предгосударственные комплексные общества, находившиеся на периферии чжурчжэньской империи. При этом мохэ и носители покровской культуры активно занимались охотой и рыболовством. Лучше изучены удэгейцы и нанайцы, с которыми русские познакомились более 150 лет назад. Территория расселения предполагала комплексное хозяйство, включающее охоту, рыболовство и собирательство (нанайцы были знакомы с земледелием). В настоящее время сильное нарушение экосистемы связано с процессами индустриализации, вырубке леса и ориентации на рыночную охоту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Приморье, археология, системы расселения, мохэ, чжурчжэни, покровская культура, нанайцы, удэгейцы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Крадин Н. Н. Краткий историко-этнографический очерк Северного Приморья. *Этнография*. 2023. 1 (19): 100–119. doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-100-119

N. Kradin

Institute of History, Archaeology
and Ethnology, Far-Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1024-6285
E-mail: kradin@mail.ru

**Brief Historical and Ethnographic Essay
on Northern Primorye**

ABSTRACT. This article examines the ethnohistorical dynamics of primitive and traditional peoples of Northern Primorye in the basins of the Iman and Bikin rivers. In the 20th — early 21st centuries, about 200 archaeological sites from different periods and settlements of aboriginal peoples were discovered here in the deep taiga. During the Neolithic era, the local population engaged in hunting, gathering, and fishing. The catching of migratory salmonid fish was already of great importance during this period. In the early Iron Age, rudimentary agriculture emerged, which developed in the Middle Ages. At that time, Heishui Mohe and people of the Pokrovka culture inhabited this area. These were pre-state societies on the periphery of the Jurchen empire. People of the Mohe /Pokrovka cultures actively engaged in hunting and fishing. The Udege and the Nanai people, with whom Russians came in contact more than 150 years ago, are better studied. Their settlement territory entailed a complex economy, including hunting, fishing, and gathering (the Nanai people had agriculture). Nowadays, the ecosystem is severely disturbed because of industrialization, logging, and orientation toward market hunting.

KEY WORDS: Primorye, archaeology, settlements patterns, Mohe, Jurchen, Pokrovka culture, Nanai, Udegei

FOR CITATION: Kradin N. Brief Historical and Ethnographic Essay on Northern Primorye. *Etnografia*. 2023. 1 (19): 100–119: (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-100-119

Северная часть Приморского края Российской Федерации географически связана с бассейнами двух рек, притоков Уссури, расположенных к востоку от него, — Имана (современное название: Большая Уссурка) и Бикина. В настоящее время эту территорию занимают два района Приморского края — Пожарский и Красноармейский. С историко-ландшафтной точки зрения это особый регион. К югу от него располагаются территории континентального Приморья, где фиксируются основные первобытные археологические культуры региона, а также средневековые цивилизации (бохайцы и чжурчжэни). К северу (вниз по Уссури) расположен Нижний Амур — в раннее средневековье предположительно страна Уго («пять владений»), к которым кидани посылали за знаменитыми охотничьими соколами хайдунщинами (Е Лунли 1979: 169; Розов 1998: 93, 94). К западу, на противоположном берегу Уссури, на территории Китая — равнины Маньчжурии.

По всей видимости, в древности и средневековье в Северное Приморье можно было добраться тремя основными путями: с юга из Центрального Приморья вниз по течению Уссури; с севера из Приамурья вверх по Уссури по маршруту, которым следовал М. И. Венюков (1970: 102–136); с запада из Маньчжурии, из Саньсина (Иланя) по сухопутному пути миссионера де ла Брюньера на северо-восток (Риттер 1856: 251; Мичи 1868: 338–339).

К сожалению, данный регион исследован гораздо меньше, чем центральные и южные районы Приморского края. Уже классическими стали две работы И. П. Надарова (1884; 1887) и сочинения В. К. Арсеньева (1912; 1960; 1989) о природе и населении этой глухой таежной провинции. Коренным народам, проживавшим на Бикине, посвящена обширная литература (Арсеньев 1926; Ларькин 1958; Крушанов 1989; Старцев 1996; 2000; 2005; Тураев 2003; Звиденная, Новикова 2010 и др.). Археологические и этноархеологические исследования в регионе проводились в основном Н. А. Клюевым, Ю. Г. Никитиным и автором этих строк (Галицкий и др. 1998; Крадин, Клюев, Никитин 1997; Клюев, Крадин, Никитин 2000; Крадин, Никитин, Тураев 2001; Крадин, Никитин 2001; 2010; Kradin, Nikitin, Kliuev 2009 и др.).

Хозяйственная и культурная адаптация населения Северного Приморья была опосредована природно-экологическими условиями региона. Согласно географическому распределению бассейны Имана и Бикина относятся к Западно-Сихотэ-Алиньской горно-долинной зоне, включающей горно-таежную зону в верховьях и среднем течении и зону смешанных лесов и болот в низовьях бассейнов, вплоть до впадения в реку Уссури. Фауна севера Приморья типична для таежных зон Дальнего Востока. Предметом охоты местного населения на протяжении всех рассматриваемых исторических периодов были лось, маньчжурский олень,

косуля, олень, олень мускуса, гималайский и бурый медведи, дикий кабан, лиса, соболь, белка, заяц, енот, барсук (Свинухов 1990).

На настоящий момент наиболее ранним археологическим объектом на данной территории является памятник Горелая Сопка, или Крутой Яр-2, неподалеку от одноименного села, расположенного на берегу р. Крутоярихи, притока Имана. Памятник по материалу относится к эпохе раннего голоцена (около 10 000 л. н.). Население этого времени занималось охотой и собирательством. По всей видимости, они кооперировались в небольшие локальные группы с неустойчивыми формами предводительства и межгрупповой кооперации. Как определенный аналог подобных обществ может рассматриваться социальная организация лесных удэгейцев периода Нового времени.

То же самое можно сказать и в отношении эпохи неолита. Всего известно 37 памятников данного времени в бассейне Имана и Бикина. Во время раскопок на Имане на стоянках Три Сестры-3, Дальний Кут-2, 9, 14, 15, Островное-5 (Лаулинская скала-2) найдены каменные орудия, связанные с охотничьей деятельностью и обработкой продуктов охоты: ретушированные и шлифованные каменные наконечники стрел, скребки, резцы, вкладышевые орудия, остроконечники, ножи и ножевидные пластины (Kradin, Nikitin, Kliuev 2009: 16, 89–19).

С эпохи неолита местное население начинает заниматься ловлей рыбы. К сожалению, на настоящий момент мы не имеем достаточного количества экофактов, свидетельствующих об отлове тех или иных пород рыб. Однако полученные в результате раскопок материалы (кости рыб, чешуя) свидетельствуют о том, что население Имана и Бикина занималось рыболовством. Важно заметить, что рыболовство считалось одной из наиболее важных отраслей экономики аборигенного населения Северного Приморья, причем основной добычей были высокопродуктивные лососевые, в первую очередь кета. Лосося ловили во время весеннего и осеннего хода, когда выловленная за короткое время кета обеспечивала население большим количеством высококалорийной пищи. И. А. Лопатин описывал период хода рыбы на нерест у гольдов: «В эти немногие дни гольды должны так энергично вести ловлю, чтобы успеть наловить рыбы для запаса на весь год. Поэтому и орудия, и способы рыболовства, и заготовка впрок рассчитаны на спешность. Во время хода кеты у гольдов наступает в полном смысле слова страдная пора: об отдыхе в это время никто и не думает: все от мала до велика работают день и ночь. Успех или неудача решают вопрос жизни или смерти, так как кета является важнейшим пищевым веществом, в полном смысле “насушным хлебом”» (Лопатин 1922: 128). Кроме лососевых в реках Северного Приморья вылавливали другие виды рыб: ленка, хариуса, тайменя, осетра, калугу, карася, сазана, сома, сига, щуку.

Согласно данным спорово-пыльцевого анализа, на заключительной фазе неолита начались процессы усыхания, которые привели к увеличению степных и лесостепных ландшафтов в Приморье. Переход от периода бронзы к раннему железному веку сопровождался потеплением, которое совпало с распространением хвойных и широколиственных лесов (Verkhovskaya, Kundyshev, Kliuev 1994). Начало использования древним человеком металлов в Северном Приморье происходило синхронно с переходом к оседлому образу жизни, распространением земледелия и животноводства.

Применительно к Приморью не принято разделять бронзовый и ранний железный век, поскольку медь и железо появляются здесь примерно одновременно. По этой причине исследователи называют данное время эпохой палеометалла (Клюев, Яншина 2005). На смену палеометаллу приходит железный век, который в Северном Приморье был представлен польцевской/ольгинской культурой (примерно VII в. до н. э. — IV в. н. э.). С распространением производящего хозяйства локальные группы охотников-собирателей сменились устойчивыми, оседлыми формами общины, численность которых могла составлять уже сотни человек. Можно констатировать увеличение численности населения в этот период. На настоящий момент известно порядка 40 памятников периода палеометалла и более 50 памятников железного века.

В памятниках палеометалла (Знаменка-1) найдены доказательства земледелия (куранты, терочная плита из сланца, сосуды для хранения зерна). На поселении Дальний Кут-3 (польцевская культура) также были обнаружены каменные куранты для размола зерна. Добыча рыбы тоже имела важное значение. В слое раннего железного века поселения Дальний Кут-15 обнаружено каменное грузило. Оно представляло собой гальку с двумя отбитыми выемками по бокам для привязывания к сети. На Бикине, в местности Перевал (где самое близкое расстояние между реками Бикин и Алчан), на левом низком берегу обнаружены многослойные, вероятно, сезонные (рыболовные лагерь) стоянки (Алчан-1, 2, 3, 4). Артефакты показывают, что они эксплуатировались начиная с периода раннего железного века до этнографического времени (Крадин, Никитин, Тураев 2001). По всей видимости, здесь заготавливали лососевых во время хода рыбы на нерест. По свидетельству И. П. Надарова (1887: 24), здесь был расположен переволок, которым пользовались нанайцы и удэгейцы. Дело в том, что течение Алчана гораздо медленнее течения Бикина и коренные обитатели этих мест использовали эту географическую особенность края. Поднимаясь в верховья Бикина, они сначала толкали свои баты вверх по спокойному Алчану и затем волоком перетаскивали их на Бикин. В результате подобных манипуляций удавалось выиграть три дня пути.

Рост населения эксплицитно сопровождался увеличением межгрупповых конфликтов и столкновений, возникновением войн. Подтверждение тому — наличие многочисленных находок предметов вооружения, появление фортификационных сооружений. В данную эпоху усложняется социальная стратификация, появляются прослойки бедного и неполноправного населения, выделяются гражданские и военные вожди, жречество. Параллельно с внутренним социальным расслоением возрастает степень интеграции позднепервобытных обществ, возникают крупные надобщинные централизованные образования — союзы и конфедерации племен и вожества (Earle 1997; Flannery, Marcus 2012; Крадин 2021).

Хорошим примером формирования надобщинной иерархии являются памятники польцевской/ольгинской культуры в Северном Приморье. В бассейне Имана было открыто 24 памятника данной культурной общности. Все памятники были разбиты на «ранги» в соответствии с величиной их площади. В результате было выделено четыре «ранга». К первому (19–22 га) были отнесены два самых крупных поселения — Дальний Кут-3 (Клуня) и Дальний Кут-15 (Таежный ключ). Ко второму «рангу» были отнесены четыре поселения площадью 8–9 га — Рошино-6 (Заячья протока), Дальний Кут-9 (Громов ключ), Островное-2 и Островное-5 (Лаулинская скала). К третьему «рангу» были отнесены также четыре поселения — Шивелаза-2, Вострцево-11, 12 (Дубравушка-1, 2), Дальний Кут-10 (Малый ключ). Их площадь — 4–5 га. Наконец, подавляющее большинство — 14 поселений площадью от 1 до 3 га, — попали в четвертый, самый низший «ранг» (Крадин, Клюев, Никитин 1997; Клюев, Крадин, Никитин 2000). Прослеживается «кустовая» привязка памятников к расширениям долины р. Иман и аграрным ресурсам. Для трех групп характерна неиерархическая внутренняя структура. Четвертая, самая большая, дальнекутская группа вполне соответствует признакам простого вожества с центром, например, в укрепленном поселении Островное-5 (второе название: Лаулинская скала) (Клюев, Крадин, Никитин 2000). Эти выводы перекликаются с исследованиями памятников данной культуры в среднем течении р. Усури (Коломиец 2005).

Археологические данные дополняются сведениями письменных источников. Согласно летописям у илоу, которых традиционно связывают с польцевской культурной общностью, прослеживаются различия в размерах жилищ. «Обыкновенно живут в ямах, и чем глубже, тем почетнее. В богатых домах также делают до девяти ступенек» (Бичурин 1950: 24; см. также: Шавкунов 1959: 67–68; Пак 1961: 125). У илоу «нет больших правителей, а в каждом селении имеются свои большие люди (“старейшины”）」 (Бичурин 1950: 24; см. также: Шавкунов 1959: 67–68; Пак 1961: 125). Однако, по мнению Э. В. Шавкунова (1959: 66), к III в. у илоу складывается племенной союз, поскольку в более поздних источниках имеются упоминания о существовании у них должности вождя

(цзюньчжана), право замещения которого передавалось по наследству внутри одного линиджа от отца к сыну. Фактически это самое настоящее вождество.

В дальневосточной археологии принято считать, что эпоха Средневековья начинается со времени появления мохэской культуры (III–IV вв.). По данным летописей, *мохэ* занимались пашенным земледелием, разводили свиней, выращивали лошадей (Бичурин 1950: 70, 92). У *мохэ* была развитая социальная стратификация. Источники сообщают, что богатые имели по несколько сотен свиней, известны категории неполноправных социальных групп (Шавкунов 1968: 35, 37). В летописях сообщается, что «каждый город и селение имеют своего старейшину, независимого от других» (Бичурин 1950: 69; Reckel 1998: 18). Известно семь крупных «объединений» (кит. *булэй*) *мохэ*, которые отличались количеством выставляемых воинов. Каждое из них возглавлялось вождем, они занимали достаточно большую территорию. Помимо них, существовали мохэские подразделения (кит. *бу* — традиционно этот термин переводится как «племя»). Их было гораздо больше. Власть вождя передавалась по наследству. Скорее всего, *бу* могли соответствовать вождествам, а *булэй* — сложным вождествам. Самое крупным и могущественным из них было объединение *хэйшуй мохэ*. В обеих версиях Танской истории сообщается, что они со временем разделились на 16 «поколений» (Ларичев 1980: 38; Reckel 1998: 22, 23; Ивлиев 2005: 451). Совершенно очевидно, что *хэйшуй мохэ* представляли собой уже сложное вождество или конфедерацию вождеств.

При династии Суй к китайскому императору прибыло мохэское посольство. Послы решили исполнить в честь императора национальный танец. «Пляска их представляла вид сражения. Император, обратясь к своим вельможам, сказал: “Между небом и землею есть же такие существа, которые только и думают о войне. Впрочем, владения их очень удалены от Срединного государства”» (Бичурин 1950: 72). Вне всякого сомнения, эту фразу нельзя понимать буквально. Она отражает конфуцианское мировоззрение, которое предписывает миролюбие и терпимость по отношению к грубым воинственным варварам. Однако своей воинственностью мохэсцы выделялись из всех соседствовавших с Китаем дальневосточных народов. Неслучайно древнекитайский летописец подчеркивает, что именно мохэсцы «между восточными иноземцами считаются сильнейшими» (Бичурин 1950: 69).

В целом можно сделать вывод, что амурские мохэ (*хэйшуй мохэ*) обладали достаточно высокоразвитой военной базой, которая позволяла им противостоять более высокоразвитым соседям — государствам Бохай и Цзинь. В этот период у них появляются мощные фортификационные сооружения. Одним из таких памятников является Гоголевское городище (Гоголевка-1). Оно расположено на правом берегу Имана у слияния

с р. Маревкой (Бейцухе), в 2,7 км к северу от с. Гоголевка. Городище располагается на высокой (около 60 м) цокольной террасе, с северной и восточной сторон защищено тремя валами, которые полукольцом опоясывают возвышенность. На основном (внешнем) валу имеются четыре башни и ворота с предвратным укреплением овальной формы. Невысокий внутренний вал был, вероятно, сооружен еще в польцевское время и реконструирован в эпоху Средневековья. Внутри городища зафиксированы террасы и многочисленные жилищные западины.

К сожалению, хронология памятников Средневековья в Северном Приморье — мохэского времени (III–VIII вв.), покровской культуры (IX–XIII вв.), периода чжурчжэней и империи Цзинь (XI–XIII вв.) и государства Восточная Ся (1215–1233) — еще нуждается в разработке. Средневековая эпоха представлена остатками поселений, городищ и могильников. Суммарно можно отметить определенный рост памятников: 15 поселений и 2 городища мохэского времени; 22 поселения и 9 городищ, относящихся к покровской культуре; 5 поселений и 5 городищ цзиньского и дунсяского времени. К ним нужно добавить еще памятники Дальнереченского района (в том числе 13 городищ).

Сведений о народах Северного Приморья в обсуждаемый период в источниках практически нет. В основных записях «Цзинь ши» под 1187 г. сказано, что император Ши-цзун говорил своим сановникам: «Недавно я узнал, что колено удигай не хочет быть покорным. Если отправить туда посла спросить о причине их неповиновения, то, быть может, жители сего колена по упорству не станут оправдываться в обвинении, пойдут на наши границы, и их нельзя будет остановить» (Розов 1998: 174). Кто имеется в виду под народом удихай, не очень понятно. Э. В. Шавкунов полагал, что это была особая группа чжурчжэней-удигэ (1990). Однако не меньше оснований предполагать, что речь идет о традиционных охотниках-собирателях, которых по территориальному признаку автоматически включили в круг культурно близких к чжурчжэням народов.

Население продолжало заниматься комплексным хозяйством, пользовалось дарами тайги и рек. Это подтверждается данными археологии. На поселении Верхний Перевал-1 на Бикине было обнаружено много костей домашних животных (крупного рогатого скота). Около села Кедровка был найден железный плуг. Часто попадаются каменные ступы. Одна из таких ступ была найдена нами в 1998 г. во время исследований Новопокровского городища (Новопокровское-2), крупного административного центра в этом регионе (примерно XII–XIII вв.). На многих памятниках на побережье Имана обнаружены глиняные грузила для сетей (Рошино, Саровка, Глубинное). Кроме того, около с. Рошино были обнаружены рыболовные крючки, миниатюрный наконечник гарпуна, много костей рыб. Еще больше костей рыб и животных были найдены на поселении Верхний Перевал-1 на Бикине. Еще один памятник в этом

районе, Федосьевка-1, представлял собой сезонную стоянку рыболовов периода покровской культуры, расположенную прямо на берегу реки Бикин. По словам информантов, в этом месте до сих пор находятся традиционные участки ловли рыбы. Здесь были обнаружены много фрагментов керамики, наконечники стрел, китайская монета династии Тан, ямки от столбов временных шалашей. В археологических памятниках Северного Приморья периода Средних веков обнаружены наконечники копий, большое количество железных наконечников стрел разных форм, специально предназначенных для охоты (Новопокровское городище-2, Роцинский могильник и др. памятники на Имане, Федосьевка-1 и Верхний Перевал-1 на Бикине).

Для периода Средневековья характерны усложнение фортификационных сооружений и увеличение количества укрепленных городищ. По своим конструктивным особенностям эти памятники могут быть сгруппированы в несколько различных категорий:

1. Горные городища со сложными фортификационными сооружениями (Вербное-1, Кунгулаза, Новокрещенка-2). Из этой группы выделяется самое большое и сложное городище Вербное-1 (5,4 га), которое может быть сопоставимо по конструктивным особенностям с самым большим городищем Новопокровское-2 в регионе (17,5 га). Важно также отметить определенное сходство в строительных традициях городищ Новокрещенка-1, Гоголевка-1 и городища Кунгулаза.
2. Мысовидные городища (Гоголевское, Таборовское-2 и 3, Музиза-1)
3. Равнинные городища строгой прямоугольной формы (Агзани, Вербное-3, Речное). Из ранее известных памятников к этому типу относится городище Новопокровское-1.

У нас нет никаких данных, свидетельствующих о вхождении данных территорий в состав государства Бохай (698–926). Однако размеры и фортификационные особенности наиболее крупных городищ позволяют предположить, что эти территории в той или иной степени были подконтрольны империи Цзинь (1115–1234). Как известно, в период расцвета чжурчжэньская империя занимала всю современную территорию Маньчжурии, южной части Дальнего Востока России, части Северной Кореи и большей части территории Северного Китая (Воробьев 1975; 1982). Численность населения в Цзинь в начале XIII в. составляла более 53 млн чел., из которых чжурчжэней было около 10%, тогда как китайцев — не менее 83% (Franke 1978: 12, 14). Страна делилась на 19 губерний, которые возглавлялись генерал-губернаторами. На крайнем северо-востоке Цзиньской империи находились губернии Хэлань (пограничная с Кореей и крайним югом Приморья), Хулигай (на северо-востоке Маньчжурии) и Сюйпинь (в южной и центральной частях Приморья

и на востоке Маньчжурии). Кроме этого, на территории Приморья была расположена губерния Елань (долина р. Сучан и прилегающая прибрежная область) с центром в Николаевском городище. Центром еще одного административного подразделения в верховьях Уссури являлось, по всей видимости, Чугуевское городище. Возможно, локальным центром прибрежных районов юго-восточного Приморья являлось Новонежинское городище.

Что касается Северного Приморья, то здесь самым крупным памятником было городище Новопокровское-2 (Крадин, Никитин 2001). Это городище сложной формы, защищено с северной и восточной сторон обрывистым берегом Имана, а с западной и южной сторон — мощной системой фортификационных сооружений (внешний и основной валы, ров между ними, 14 башен на основном валу, ворота). На городище имеются искусственные террасы, зафиксированы 142 сохранившиеся западины. Набор артефактов вполне соотносится с чжурчжэньским временем. Однако найденная на памятнике керамика относится к покровской археологической культуре, распространенной в Приамурье.

Другое крупное городище находится в Дальнереченском районе на левом берегу р. Малиновки, неподалеку от с. Вербное. Городище расположено на пологом склоне высокой цокольной террасы. Оно защищено с одной стороны высоким скалистым берегом реки, с остальных — высоким земляным валом с каменной рубашкой. На городище имеются восемь выступающих наружу башен, ворота с Г-образным предворотным укреплением, внешний вал (Крадин, Никитин 2010). На Бикине самым крупным городищем является Кунгулаза (Верхний Перевал-5). Городище с северной стороны защищено отвесным скальным обрывом высотой более 40 м. С восточной и южной сторон ограничивается скалистым берегом высотой более 50 м. Наиболее уязвимая западная сторона защищена оборонительной системой из трех валов — внешнего, основного и внутреннего (Галицкий и др. 1998).

В более позднее время многие технологические навыки земледелия были утрачены. Это связано с кризисом и гибелью средневековых цивилизаций Дальнего Востока после монгольского завоевания. Возможно также, что на исчезновение земледелия повлияли похолодание и экспансия леса в позднее чжурчжэньское время (Верховская 1990; Verkhovskaya, Kundyshev, Kliuev 1994). Данный период — «темное время» в приморской археологии. Возможно, именно к этому времени относятся так называемые равнинные городища округлой формы или в форме неправильного многоугольника (Вострецовское-3, Лобановское-1, 2, 3, Дубровка-1, Речное-1), вероятно, даже к позднесредневековому или этнографическому времени.

До середины XIX в. достоверные сведения о населении бассейна р. Бикин практически отсутствуют. По сведениям французского

миссионера де ла Брюньера, проведшего зиму 1845/46 г. среди гольдов (нанайцев) на р. Уссури, большая часть земель по Уссури пустовала, во многих местах «вместо людей миссионер видел только мертвую тишину пустыни» (Риттер 1856: 253). По его подсчетам, на берегах Уссури обитало не более 800 человек, из которых примерно 200 были китайцами, а остальные — представителями коренных народов. Он определяет их численность примерно в 50 семей (Риттер 1856: 253; Мичи 1868: 328).

Следует иметь в виду, что в данном случае речь идет только об уссурийских нанайцах, которые проживали оседло по обоим берегам р. Уссури и в низовьях ее притоков. Удэгейцы, ведущие полукочевой образ жизни, в этот период еще не имели сколь-нибудь постоянных селений и обитали восточнее, в том числе в среднем и верхнем течении р. Бикин.

Более подробные сведения о населении долины р. Бикин появились только после прихода русских исследователей. По сведениям И. П. Надарова (1887: 25, 167), на 1 января 1884 г. на Бикине проживали 50–60 семей кочевых ороочонов (250–360 человек), а оседло жила всего одна семья. По информации, полученной Надаровым от долго жившего на Бикине китайца, раньше на реке жило до 300 семей ороочонов, численность которых резко сократилась после эпидемии оспы в 1877 г. Кроме этого, по Бикину в разных местах расположено 17 китайских фанз и 4 нанайских. Общая численность оседлого населения составляла 79 чел. На Имане также оседло проживали 114 нанайцев и китайцев, кочевали 15–20 ороочонских семей. На р. Ваку (совр. Малиновка) — самом большом притоке Имана — жили 55 оседлых нанайцев и китайцев и примерно 8–10 семей бродячих ороочонов (то есть удэгейцев).

Всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала в бассейне р. Бикин 12 поселений, в том числе 6 удэгейских. В удэгейских селениях Сигоу, Чимудинге, Кукчингэ, Тахало и др. насчитывалось 12 хозяйств (96 чел.). Нанайские селения располагались ниже по Бикину и на его притоках — Алчане и Шилане (46 чел.). Однако переписью не было охвачено верхнее течение Бикина, где, возможно, также имелись более или менее постоянные удэгейские поселения. Возможно, правы те исследователи, которые определяют максимальную численность местного населения этого времени примерно в 300 чел. (Патканов 1912: 48, 92, 93). Кроме того, еще 89 нанайцев было зафиксировано на Имане и 57 на Ваху (Патканов 1912: 48).

Эти данные важны для понимания того, какова могла быть численность проживающих на этой территории до появления производящего хозяйства. Пространственное распределение постоянных и временных поселений зависело от сезонного распространения пищевых ресурсов, хозяйственной активности населения в те или иные периоды года. Одной из важнейших отраслей хозяйства для местного населения была охота. Нанайцы и удэгейцы охотились с помощью лука и стрел, использовали

арбалет и рыли ловчие ямы больших животных, изготавливали специальные ловушки для ловли пушного зверя. Для удэгейцев охота имела огромное значение, особенно охота на больших животных: изюбря, лося, дикого кабана, косулю, медведя. Согласно этноисторическим данным, один охотник удэгеец добывал в среднем за год одного оленя, трех лосей, одну-две выдры, одну лису, до десяти мускусных оленей, соболей и белок в год (Патканов 1912: 114). С развитием торговых отношений с маньчжурами и русскими добыча пушнины многократно возросла.

Для нанайцев охота являлась дополнением к другим промыслам (существенное значение имела только пушная охота); на первом месте у них был лов рыбы (Шренк 1899: 146–147; Сем 1973: 105–106). В начале века количество проходной кеты, достигающей Имана и Бикина, было очень большим. Исходя из того, что для пропитания семьи рыбака было необходимо не менее чем 1,5 т рыбы на душу в год (Слюнин 1908: 58), только лососевые ресурсы бассейнов р. Бикин и Иман, могли прокормить население, в несколько раз превышающее количество обитавших здесь гольдов и удэгейцев. В этноисторическое время для ловли рыбы использовались сети различной длины и конфигурации, разного типа мордушки, удилища, а также плотины и загородки. Кроме того, рыбу добывали с помощью остроги и лука со стрелами. Нанайцам и удэгейцам известно много способов заготовки рыбы (Сем 1973: 105–116; Старцев 1996: 101–107), среди которых наиболее популярной была сушка на солнце.

Для нанайцев Северного Приморья добыча лососевых имела наиболее важное значение из всех отраслей хозяйства (Сем 1973: 105–106). Российские этнологи считают, что для удэгейцев Бикина и Имана этого периода рыболовство играло менее важную роль, чем охота. Они объясняют это отдаленностью Бикина и Имана от низовьев Амура (Крушанов 1989: 32). Мы полагаем, что они недооценивают потенциал рыболовства. До организации массового вылова лососевых на Амуре русским правительством и загрязнением экосистем Амура в советский период количество рыбы, доходившей до Имана и Бикина, было очень велико. Имеются следующие данные об объеме этих природных ресурсов на территории Приморья (Золотухин 1997:146).

Река	Количество рыбы в прошлом	Площадь нереста (в кв. км)	Потенциальный ежегодный вылов (в тоннах)	% к общему фонду в Уссури
Верховья Уссури и Арсеньевка	10 000–15 000	110 000	340	5

Окончание табл.

Иман		663 000	2040	30
Бикин		332 000	1020	15
Хор		1 000 000	34 000	50

Если учесть, что семье рыболова требовалось, как было указано выше, не менее 1,5 т рыбы на человека в год, то только за счет рыболовства на территории бассейнов Бикина и Имана могло прожить в несколько раз больше человек, чем там обитало гольдов и удигэ.

В этноисторический период рыбу ловили сетками различной длины и конфигурации, острогой, удочкой с крючками, устраивали запруды и ловушки. Существовало много способов приготовления различных продуктов из рыбы (Сем 1973: 105–116; Старцев 1996: 101–107). Самым важным из них считалось приготовление высушенной на солнце юколы. В. К. Арсеньев писал об удэгейцах: «Без юколы они терпят такую же нужду, как русский пахарь в неурожайные годы. Юколой удэгеец кормится сам, кормит свою семью и всех своих собак. Даже при самой лучшей и обычной пище они скучают по юколе и всегда предпочитают ее рису» (Арсеньев 1926: 19–20). Так же популярна была юкола у нанайцев (Лопатин 1922: 97–98).

Все более тесные контакты с китайцами и китаизированными нанайцами привели к распространению навыков огородничества, смешанных браков (как между удэгейцами и китайцами, так и между удэгейцами и нанайцами), стационарных поселений. В отдельных поселках появляются наземные жилища китайского типа с канами (фанзы). Нанайцы сажали рис, просо, чумизу, фасоль, кукурузу. В середине XIX в. они также начали выращивать овощи и злаковые (для производства хлебных изделий). Однако, по мнению исследователей, большую часть продуктов агрикультуры они продолжали покупать у китайских и маньчжурских купцов (Сем 1973: 111–112, 117). Удэгейцы также имели примитивную агрикультуру, выращивая картофель, кукурузу и буду. Но их огороды были гораздо меньше (Патканов 1912: 115).

По мере освоения русскими переселенцами долины Уссури расселение уссурийских нанайцев и удэгейцев заметно изменилось. Нанайцам пришлось отступить на притоки Уссури, оттеснив удэгейцев к верховьям рек. На Бикине уссурийские нанайцы обосновались в среднем течении. Удэгейцы переместились в верхнюю часть среднего течения. К началу XX в. в бассейне нижнего и среднего течения Бикина, по сообщениям

различных информантов, располагалось 8 стойбищ нанайцев, выше по течению — более 20 стойбищ удэгейцев. В среднем и нижнем течении реки располагались также 4 поселения китайцев.

С появлением русских староверов связаны новые изменения в расселении удэгейцев. Переселяясь сначала (с 1910 г.) отдельными семьями, а позднее, особенно после установления советской власти, целыми группами, староверы частично вытеснили удэгейцев с территории верхнего течения Бикина в среднюю часть бассейна реки. В начале 1920-х гг. староверы уже контролировали лучшие охотничьи угодья в верховьях Бикина. В этот период здесь насчитывалось около 10 староверческих поселений, в которых проживало более 500 чел. (Гапонов 2001). После подавленного восстания старообрядцев в 1932 г. и последовавших за этим репрессий большая часть старообрядческого населения была выселена, оставшиеся уехали за пределы Дальневосточного края (Аргудяева 2017).

Однако старая система расселения не успела восстановиться, поскольку началась советская коллективизация. До 1931 г. бикинские аборигены жили в 13 постоянных стойбищах. Затем жители этих стойбищ были сведены в четыре населенных пункта — Красный Перевал, Олон, Сиян, Улунга. Советский опыт культурной адаптации коренных сообществ стал предметом анализа в трудах ряда исследователей (Старцев 1996; 2000). Важно только отметить, что, несмотря на активную политику аккультурации аборигенных народов в экономику индустриального общества, местное население продолжало заниматься промысловой охотой и рыболовством. Насильственное развитие земледелия не принесло здесь значительных результатов, хотя огородничество в некоторой степени привилось и помогло в голодные годы постсоветского кризиса. Следует отметить и сильные нарушения традиционных экосистем, связанные с вовлечением коренных народов в индустриальную экономику и массовыми вырубками леса (Гапонов 2005).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аргудяева Ю. В. Улунгинское (Кхучинское) восстание старообрядцев Приморья в 1932 г. // *Религиоведение*. 2017. № 4. С. 31–41.

Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск: Штаб Приморского военного округа, 1912. 324 с.

Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 48 с.

Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. М.: Географическая литература, 1960. 302 с.

Арсеньев В. К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу. М.: Правда, 1989. 398 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 335 с.

Бутин Ю. М. Корея: от Чосона к Трем Государствам (II в. до н. э. — IV в.). Новосибирск: Наука, 1984. 255 с.

Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1970. 240 с.

Верховская Н. Б. О растительности южной Сихотэ-Алиня в средневековье // Ботанический журнал. 1990. Т. 75 (11). С. 1555–1564.

Галицкий В. Д., Калашиников С. В., Клюев Н. А., Крадин Н. Н., Лыниша В. А., Новоградский И. В., Никитин Ю. Г., Тарасенко В. Н. Предварительные результаты археологического обследования бассейна реки Бикин // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 1998. С. 3–11.

Гапонов В. В. Верхний Бикин. 20-й век. Осколки истории // Зов тайги. 2001. № 1 (54). С. 58–69.

Гапонов В. В. История таежного природопользования Южно-Уссурийского района. Владивосток: Апельсин, 2005. 385 с.

Е Лулли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с.

Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с.

Золотухин С. Ф. (ред.). Экосистемы бассейна реки Бикина. Владивосток: Дальнаука, 1997. 175 с.

Ивлиев А. Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.

Клюев Н. А., Крадин Н. Н., Никитин Ю. Г. Работа над сводом археологических памятников Красноармейского района Приморского края // Культурно-историческое наследие в XXI веке: перспективы сохранения и использования. Владивосток, 2000. С. 51–62.

Коломиец С. А. Памятники польцевской культурной общности на Дальнем Востоке России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 381–393.

Крадин Н. Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2021. 336 с.

Крадин Н. Н., Клюев Н. А., Никитин Ю. Г. Предварительные результаты изучения системы расселения древнего населения в бассейне реки Иман // Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 1997. С. 3–17.

Крадин Н. Н., Никитин Ю. Г., Тураев В. А. Изучение традиционных систем расселения в долине Бикина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Ч. 1. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 40–44.

Крадин Н. Н., Никитин Ю. Г. Некоторые результаты исследований городища Новопоковское-2 // Традиционная культура востока Азии. Вып. 2. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 82–90.

Крадин Н. Н., Никитин Ю. Г. Средневековые городища Северного Приморья // Традиционная культура востока Азии. Вып.6. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. С. 164–180.

Крушанов А. И. (ред.). История и культура удэгейцев. Л.: Наука, 1989. 186 с.

Ларичев В. Е. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1980. С. 8–38.

Ларькин В. Г. Удэгейцы (Ист.-этногр. очерк с середины XIX в. до наших дней). Владивосток, 1958. 36 с.

Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские Владивосток: [б. и.], 1922. 370 с.

Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868. 351 с.

Надаров И. П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток: Тип. Штаба Главного командира портов Восточного океана, 1884. 39 с.

Надаров И. П. Северо-Уссурийский край. СПб.: Военная типография в здании Главного штаба, 1887. 169 с.

Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей зры (по Сань-го чжи) // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 115–138.

Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи 1897 г. и других источников. Ч. II.: Прочие тунгусские племена. СПб.: Императорское Русское географическое общество, 1912. 207 с.

Риттер К. Землеведение Азии. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1856. 736 с.

Розов Г. М. (перев.). История Золотой империи. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. 286 с.

Свиныхов Г. В. (ред.) Физическая география Приморского края. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990. 208 с.

Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ, 1973. 314 с.

Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб.: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1908. 308 с.

Старцев А. Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX — XX вв.). Владивосток: ДВО РАН, 1996. 156 с.

Старцев А. Ф. История социально-экономического и культурного развития удэгейцев (середина XIX — XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 256 с.

Старцев А. Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX — XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 443 с.

Тураев В. А. (ред.) История и культура нанайцев. СПб.: Наука, 2003. 194 с.

Шавкунов Э. В. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I–III вв. н. э. // Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. «История». Т. I. Саранск, 1959. С. 37–74.

Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.

Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 282 с.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1899. 314 с.

Янишина О. В., Клюев Н. А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.

Earle T. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1997. 250 p.

Flannery K., Marcus, J. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. 631 p.

Franke H. *Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234)*. Orladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1978. 50 S.

Kradin N. N., Nikitin Yu. G., Kliuev N. A. *Hunting, Fishing and Early Agriculture in Northern Primor'e in the Russia Far East // Human — Nature Relations and the Historical Background of Hunter-Gatherer Cultures in Northeast Asian Forest: Russian Far East and Northern Japan. (Senri Ethnological Studies No 72) / Ed. by Shiro Sasaki. Osaka: National Museum of Ethnology, 2009. P. 15–24.*

Reckel J. *Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995. 828 S.

Verkhovskaya N. B., Kundyshv A. S., Kliuev N. A. *Bronze-Early Iron Age Environment of the Iman River Basin, Russian Far East // Geoarcheology. 1994. Vol. 9 (6). P. 503–513.*

REFERENCES

Argudiaeva Yu. V. [Ulunga (Khutsin) uprising of the Old Believers of Primorye in 1932]. *Religiovedenie* [Religion Studies], 2017, no. 4, pp. 31–41. (In Russian).

Arsenjev V. K. *Dersu Uzala. Skvoz taigu* [Dersu Uzala. Through the taiga]. Moscow: Pravda Publ., 1989. (In Russian).

Arsenjev V. K. *Lesnye liudi udekheitsy* [Forest people Udehei]. Vladivostok: Kniznoe delo Publ., 1926. (In Russian).

Arsenjev V. K. *Po Ussuriikonu kraju* [Along the Ussuri region]. Moscow: Geographical literature Publ., 1960. (In Russian).

Bichurin N. Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshkh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. (In Russian)

Butin Yu. V. *Koreia: ot Chosona a Trem gosudarstvam* [Korea: From Joseon to Three Kingdoms]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. (In Russian).

Earle T. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford (Cal.): Stanford Univ. Press, 1997. (In English).

Flannery K., Marcus, J. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. (In English).

Franke H. *Nordchina am Vorabend der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115–1234)*. Orladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1978. (In English).

Galitsky V. D., Kalashnikov S. V., Klyuev N. A., Kradin N. N., Lynsha V. A., Novogradsky I. V., Nikitin Yu. G., Tarasenko V. N. [Preliminary results of the archaeological survey of the Bikin River basin]. *Arkheologiya i etnologiya Dalnego Vostoka i Tsentralnoy Azii* [Archeology and Ethnology of the Far East and Central Asia]. Vladivostok, 1998, pp. 3–11. (In Russian).

Gaponov V. V. [Upper Bikin. 20th century. Fragments of history]. *Zov taigi* [Call of the taiga], 2001, no. 1 (54), pp. 58–69. (In Russian).

Gaponov V. V. *Istoriya taenogo prirodopolzovaniya Yuzno-Ussuriiskogo raiona* [History of the taiga nature management of the South Ussuri region]. Vladivostok: Orange, 2005. (In Russian).

Ivliev A. L. [Essay of the history of Bohai]. *Rossiyskiy Dalny Vostok v drevnosti i srednevekovie: Otkrytiya, problem, gipotezy* [Russian Far East in antiquity and the Middle Ages: Discoveries, problems, hypotheses]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2005, pp. 449–475. (In Russian).

Kliuev N. A., Kradin N. N., Nikitin Yu. G. [Work on the collection of archaeological sites of the Krasnoarmeisky District of the Primorye region]. *Kulturno-istoricheskoe nasledie v 21 veke: perspektivy sokhraneniya i ispolzovaniya* [Cultural and Historical Heritage in the 21st Century: Prospects for Preservation and Use]. Vladivostok, 2000, pp. 51–62. (In Russian).

Kolomiets S. A. [Sites of the Poltse culture in the Far East of Russia]. *Rossiyskiy Dalny Vostok v drevnosti i srednevekovie: Otkrytiya, problem, gipotezy* [Russian Far East in antiquity and the Middle Ages: Discoveries, problems, hypotheses]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2005, pp. 381–393. (In Russian).

Kradin N. N. *Proiskhozhenie neravenstva, tsivilizatsii i gosudarstva* [Origins of the Inequality, Civilization, and the State]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2021. (In Russian).

Kradin N. N., Kliuev N. A., Nikitin Yu. G. [Preliminary results of studying the settlement system of the ancient population in the Iman river basin]. *Voprosy arkheologii, istorii i etnologii Dalnego Vostoka* [Questions of archeology, history and ethnology of the Far East]. Vladivostok, 1997, pp. 3–17. (In Russian).

Kradin N. N., Nikitin Yu. G. [Medieval fortress and towns of Northern Primorye region]. *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii* [Traditional culture of the East of Asia]. Vol. 6. Blagoveshchensk: Amur state University Press, 2010, pp. 164–180. (In Russian).

Kradin N. N., Nikitin Yu. G. [Some results of studies of the settlement Novopokovskoe-2 mediaeval town]. *Traditsionnaya kultura Vostoka Azii* [Traditional culture of the East of Asia]. Vol. 2. Blagoveshchensk: Amur state University Press, 2001, pp. 82–90. (In Russian).

Kradin N. N., Nikitin Yu. G., Turaev V. A. [The study of traditional settlement systems in the Bikin Valley]. *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China on the Far Eastern borders]. Part 1. Blagoveshchensk: Amur state University Press, 2001, pp. 40–44. (In Russian).

Kradin N. N., Nikitin Yu. G., Kliuev N. A. Hunting, Fishing and Early Agriculture in Northern Primor'e in the Russia Far East. *Human — Nature Relations and the Historical Background of Hunter-Gatherer Cultures in Northeast Asian Forest: Russian Far East and Northern Japan (Senri Ethnological Studies No 72)*. Ed. by Shiro Sasaki. Osaka: National Museum of Ethnology, 2009, pp. 15–24. (In English).

Krushanov A. I. (ed.). *Istiriia i kultura udegeitsev* [History and culture of the Udege]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. (In Russian)

Lar'kin V. G. *Udegeitsy* [Udege]. Vladivostok, 1958. (In Russian)

Larichev V. E. [The peoples of the Far East in prehistory and Middle Ages and their role in the cultural and political history of East Asia]. *Dalny Vostok i sosednie territorii v srednie veka* [Far East and neighboring territories in the Middle Ages]. Novosibirsk, 1980, pp. 8–38. (In Russian).

Lopatin I. A. *Goldy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie* [Golds of Amur, Ussuri and Sungarian]. Vladivostok, 1922. (In Russian).

Pak M. N. [Description of the Korean tribes at the beginning of AD (according to San-guo chih)]. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of oriental studies], 1961, no. 1, pp. 115–138. (In Russian).

Reckel J. *Bohai. Geschichte und Kultur eines mandschurisch-koreanischen Königreiches der Tang-Zeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1995. (In German).

Rozov G. M. *Istoriia Zolotoy imperii* [History of the Golden Empire]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnology SB RAS Press, 1998. (In Russian).

Sem Yu. A. *Nanaisy. Materialnaia kultura* [Nanais. Material culture]. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far East Center Publ., 1973. (In Russian).

Shavkunov E. V. *Kultura chzhurchzueney 12–13 vekov i problema proiskhozdeniia tungusskikh narodov Dalnego Vostoka* [Culture of Jurchen in the 12–13 centuries and problem of origin of the Tungus people of the Far East]. Moscow: Nauka Publ., 1990. (In Russian).

Shavkunov E. V. [Primorye and neighboring areas of Dongbei and North Korea in the 1st–3rd centuries AD]. *Trudy DV Filiala SO AN SSSR, ser. ist.* [Proceedings of the Far East Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, historical series]. Vol. 1. Saransk, 1959, pp. 37–74. (In Russian).

Shavkunov V. E. *Gosudarstvo Bohai i pamyatniki ego kultury v Primorye* [Bohai state and sites of its culture in Primorye]. Leningrad: Nauka Publ., 1968. (In Russian).

Startsev A. F. *Istoriia sotsialno-ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiia udegeitsev* [History of socio-economic and cultural development of the Udege]. Vladivostok: Far-Eastern University Publ., 2000. (In Russian).

Startsev A. F. *Kultura i byt udegeitsev* [Culture and life of the Udege people]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2005. (In Russian).

Startsev A. F. *Materialnaia kultura udegeitsev* [Material culture of the Udege]. Vladivostok: Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 1996. (In Russian).

Svinukhov G. V. (ed.) *Fizicheskaia geografiia Primorskogo kraia* [Physical geograpy of Primorye region]. Vladivostok: Far-Eastern University Publ., 1990. (In Russian).

Turaev V. A. (ed.) *Istoriia i kultura nanaitsev* [History and culture of the Nanais]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. (In Russian).

Veniukov M. I. *Puteshestviia po Priamuriu, Kitaiu i Japonii* [Traveling around the Amur region, China and Japan]. Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House, 1970. (In Russian).

Verkhovskaya N. B., Kundyshev A. S., Kliuev N. A. Bronze-Early Iron Age Environment of the Iman River Basin, Russian Far East. *Geoarcheology*, 1994, vol. 9 (6), pp. 503–513.

Verkhovskaya N. B. [On the vegetation of the southern Sikhote-Alin in the Middle Ages]. *Botanicheskiy zurnal* [Botanical journal], 1990, vol. 75 (11), pp. 1555–1564. (In Russian).

Yanshina O. V., Kliuev N. A. [Late Neolithic and Early Paleometal of Primorye region: criteria of identification and characteristics of archaeological objects]. *Rossiisky Dalny Vostok v drevnosti i srednevekovie: Otkrytiia, problem, gipotezy* [Russian Far East in antiquity and the Middle Ages: Discoveries, problems, hypotheses]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 2005, pp. 187–233. (In Russian).

Ye Longli. *Istoriia gosudarstva kidaney (Qidan guo zhi)* [History of the state of the Khitans (Qidan guo zhi)]. Transl. by V. S.Taskin. Moscow: Nauka Publ., 1979. (In Russian).

Zolotukhin S. F. (ed.). *Ekosistemy basseina reki Bikin* [Ecosystems of the Bikin River Basin]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 1997. (In Russian).

Zvidennaya O. O., Novikova N. I. *Udegeitsy: okhotniki i sobirateli reki Bikin* [Udege: hunters and gatherers of the Bikin River]. Moscow: Publishing House “Strategy”; IP Andrey Yakovlev, 2010. (In Russian).

Submitted: 29.12.2022

Accepted: 01.02.2023

Article published: 01.04.2023